

Несмотря на внутренние колебания, Лань Цзяжань всё же постарался придать себе непринужденный вид и, не подходя слишком близко, протянул конфету: — Держи.

Он не был уверен, примут ли его подарок.

Лу Цзиньнань, на чьих губах всё еще играла легкая улыбка, привычным движением наносил надрезы на куриные крылышки. Услышав голос, он поднял взгляд и сразу заметил розовую полупрозрачную мармеладку.

Его взгляд скользнул мимо сладости и остановился на Лань Цзяжане, который смотрел на него не отрываясь. Тот всегда был таким: стоило ему почувствовать хоть каплю неловкости, как его глаза начинали излучать невероятную искренность.

Лань Цзяжань действительно волновался, но, раз за разом открывая новые, скрытые от других грани Лу Цзиньнаня, он чувствовал, как любопытство подталкивает его на новые попытки пробить эту стену. Например, стать первым человеком, который покормит капитана конфеткой.

Конфета была на расстоянии вытянутой руки, и в изящных пальцах она казалась еще более соблазнительной.

Кормить кого-то с рук — дело, которое в ходе открытого общения выглядит вполне невинно, но стоило задержаться хоть на мгновение, обменяться лишним взглядом, как это тут же наполнялось интимным подтекстом.

Лу Цзиньнань сглотнул, отгоняя посторонние мысли, и осознал, что замер на несколько секунд.

— Давай поджарю, — сказал он. Лу Цзиньнань не стал разжевывать мармеладку, а просто положил её в рот — теперь, когда он говорил, его щека была слегка раздута.

Юй Цин, наблюдавший за происходящим, не сводил глаз с парочки и сиял от радости: — Кто бы мог подумать! Раньше они и парой слов-то не перекидывались.

Лу Цзиньнань слегка наклонил голову, прикрыв глаза. Когда его губы коснулись конфеты, стала видна четкая линия подбородка.

Лань Цзяжань, чьи мысли всегда были склонны к стремительным прыжкам, при виде этой картины невольно подумал о хомяке. Ощущение растерянности мгновенно улетучилось, и он не сдержал тихого смешка.

Однако этот жест заставил Лу Цзиньнаня податься ещё немного вперед — выглядело это так, будто он намеренно заигрывает и дразнит.

Губы коснулись поверхности мармеладки, покрытой мелким сахаром. Расстояние было выверено идеально — пальцев Лань Цзяжання он не коснулся ни на йоту.

Так как руки были испачканы в сырой курице, взять конфету самостоятельно он не мог. Поэтому он слегка подался вперед, добровольно потянувшись за сладостью.

Юй Цин, стоявший за кадром, приподнялся на цыпочки у монитора оператора. Глядя на крупный план на экране, он в восторге принялся теревить продюсера, не в силах скрыть улыбку.

Когда конфета исчезла из рук, кончики пальцев Лань Цзяжання необъяснимо согрелись, и он удивленно моргнул. Лу Цзиньнань, слегка прикусив мармеладку, откинул голову, чтобы она закатилась ему в рот, и только после этого взглянул на человека рядом.

Наблюдая за тем, как Лу Цзиньнань ест — особенно забавным казалось то, как он при этом разговаривает, — Лань Цзяжання захотел подразнить его ещё немного: — А как насчет картошки и баклажанов?

Лань Цзяжання слегка потер пальцами уголок упаковки, с нескрываемым восхищением рассматривая собеседника: — Не ожидал, что ты еще и готовить умеешь.

— А куриные крылышки как делаются? — нарочито бодрым тоном спросил он, стараясь, чтобы атмосфера оставалась такой же легкой и непринужденной, как при кормлении Ань Юаня.

В ответ на поток вопросов Лу Цзиньнань лишь улыбнулся и терпеливо ответил: — Дисаньсянь.

Он тихо усмехнулся, то ли из-за предыдущей игры слов, то ли подтверждая, что конфета оказалась вкусной.

Увидев, что Лу Цзиньнань подался к нему, Лань Цзяжання, застигнутый врасплох и полный сомнений, инстинктивно захотел отдернуть руку. Он впервые так близко столкнулся с проявлением активности со стороны Лу Цзиньнаня.

Все были заняты своими делами, и на кухне царила тишина.

Неизвестно почему, но в голове Лань Цзяжання пронеслись кадры из бесчисленных сериалов, где главные герои точно так же, с глубоким чувством, тянулись к возлюбленным для поцелуя.

За последние дни он успел составить примерное представление о характере Лу Цзиньнаня и знал, что легкие подколки того не разозлят, поэтому осмелел.

— Какая химия! Вы... почему вы раньше себя так не вели! — Продюсер сияла, её глаза

светились азартом.

После того как Лань Цзяжань покормил Лу Цзиньнана, его сердце бешено колотилось. Не привыкший к неловкому молчанию, он отчаянно пытался найти тему для разговора.

Как может кто-то выглядеть настолько неприступным и одновременно таким милым? Это был идеальный пример «очаровательного контраста».

— Это простые блюда, — ответил Лу Цзиньнань, посмотрев на него. — Этого хватит, чтобы ты наелся.

Он пододвинул к нему миску с картофелем: — Помой и почисти.

Лань Цзяжань с радостью принял поручение, обхватил миску, с интересом окинул Лу Цзиньнана взглядом с ног до головы и с игривой усмешкой приподнял бровь.

Ужин был простым: домашние блюда — жареные крылышки, жареные ломтики корня лотоса, дисансянь, свинина с ароматом рыбы, а также томатный суп с яйцом.

Из-за ограниченного бюджета еды было ровно столько, сколько нужно, не больше и не меньше.

К счастью, Лань Цзяжань больше не пытался шутить, так что все смогли спокойно закончить трапезу.

Стемнело рано. В небольшом дворике гостевого дома горело лишь несколько тусклых фонарей, ярко освещенными оставались только гостиная и кухня.

Четверка друзей, перешучиваясь, убирала со стола и мыла посуду. В свете ламп их силуэты казались на удивление уютными.

— Всем большое спасибо за работу! — Лань Цзяжань покружился на месте, благодаря съемочную группу, которая начала собирать аппаратуру.

Поскольку утро выдалось ранним и суетливым, а после прибытия пришлось много трудиться, Юй Цин, заботясь о самочувствии участников, не стал планировать на вечер никаких активностей.

После ужина съемочная группа могла уходить, а в гостиной и спальнях были установлены камеры, чтобы фиксировать их свободную вечернюю жизнь.

— Брат Лю, брат Ван, спасибо! До завтра! — Лань Цзяжань, закутанный в толстую куртку,

вышел из кухни и весело поприветствовал операторов, разбирающих штативы.

На самом деле он видел этих людей впервые, но запомнил их имена, услышав, как их называли в процессе съемок.

Операторы были явно удивлены тем, что их знают по именам, и, заулыбавшись, замахали руками: — О! До завтра!

Лу Цзиньнань, последовав за легкими шагами Лань Цзяжаня, проходя мимо, слегка кивнул: — Спасибо за работу.

Его взгляд следовал за удаляющейся фигурой. Видя, как Лань Цзяжань, словно маленькое солнце, приветливо общается с каждым, Лу Цзиньнань невольно улыбнулся.

Если программа снималась дольше одного дня, Лань Цзяжань всегда запоминал имена всех сотрудников, работавших с ним напрямую. И когда ему нужна была помощь, и когда он просто здоровался, он всегда обращался к человеку по имени.

Благодаря такому вниманию и искренности большинство людей, сталкивавшихся с ним, проникались к нему симпатией.

Это качество — искренне относиться к каждому — во многом было заложено в самой его сути. Лу Цзиньнань до сих пор помнил слова Лань Цзяжаня:

— Будь то журналист, оператор или визажист, мы — партнеры, никто никому не служит. Раз уж они потратили время, чтобы запомнить мое имя, я обязан ответить им взаимным уважением.

Для многих в этой индустрии такое простое и чистое — почти наивное — отношение казалось смешным. Но в глазах Лу Цзиньнаня оно сияло ярким светом.

Перед тем как перейти к свободному времени, четверо участников наконец получили доступ к телефонам, которых были лишены целый день, и ответили на сообщения родных и друзей. В конце концов, помимо работы, у нормальных людей есть и личная жизнь — нельзя же просто взять и исчезнуть на пять дней.

Но после короткой проверки сообщений они вернулись к самому первобытному образу жизни.

В дворике гостевого дома без прожекторов и камер было тихо, шум изнутри доносился даже через закрытую дверь.

— Да как тут играть-то! — Ань Юань сидел на татами, скрестив ноги, и с несчастным видом

смотрел на шахматную доску. — Нет, так не пойдет, я не делаю этот ход!

Лань Цзяжань схватил его за руку, тянущуюся к фигуре: — Эй! Сделал ход — не меняй! С чего это вдруг перехаживать?

— Не считается, не считается! — Ань Юань принялся махать руками. — Давай заново, заново!

— Пять в ряд, го, шахматы — ты ни в чем меня не можешь обыграть, угомонись уже, — Лань Цзяжань, словно чемпион, удерживал позицию уже три часа. В таких логических играх даже три Ань Юаня вместе не могли бы одержать победу.

Он выпрямил затекшие ноги и встал: — Спать! Завтра неизвестно еще, в какую рань нас поднимут.

— Я только сделал ход, а ты уже на десять вперед всё просчитал! — Ань Юань, не желая признавать поражение, обернулся и погнался за уходящим силуэтом. — Это вообще шахматы или пытка?

Лань Цзяжань проигнорировал ворчание и направился в спальню. Он помнил, что Лу Цзиньнань ушел из гостиной минут двадцать назад — вероятно, уже вернулся в комнату.

Стоило ему толкнуть дверь, как он на мгновение замер.

Лу Цзиньнань сидел на кровати с полувлажными волосами. Он был в широкой черной кофте и светлых пижамных штанах, судя по всему, только что принял душ. В руках он держал маленький флакончик.

Услышав звук открывающейся двери, он поднял голову и замер, пытаясь скрыть флакон, но прятать его было уже негде.

— Что случилось? — Лань Цзяжань вошел в комнату, глядя на предмет в его руках. — Это что?

Маленький прозрачный стеклянный флакон явно не был напитком — скорее походил на лекарственное масло.

— Ничего, — Лу Цзиньнань не стал вдаваться в подробности и попытался убрать флакон за спину.

— Масло сафлора? — Лань Цзяжань, разглядев буквы, проступавшие между пальцев, с тревогой посмотрел на него: — Ты поранился?

<http://bllate.org/book/22071/2295168>